

Психология личности

ББК 88.2

Н. Б. Карабущенко

Астраханский государственный университет

«БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ» КАК «БЕГСТВО ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

Когда немецкий психолог Э. Фромм писал свою работу «Бегство от свободы» (1941), то, давая ей такое название, он имел в виду самое массовое явление, которое охватило весь мир в первой половине XX в. – в эпоху расцвета индустриализма и тоталитаризма. Он описывал «бегство от свободы» преимущественно как феномен массовой психологии. Но за этим бегством масс стояли вожди, которые и организовывали этот «побег» человека от самого себя. Сам по себе отказ от свободы есть нарушение человеческого естества. В XX в. этот процесс приобрел массовый характер. Остались единицы – те, кто не перешел за эту грань, остался свободным, но был вынужден взять на себя груз ответственности за всех остальных. «Бегство от свободы» стало фактически «бегством от ответственности».

В психологии массового человека эпохи развитого индустриализма и господства тоталитарных политических режимов бегство от свободы стало реальным способом сохранить свою жизнь и не стать жертвой репрессивного аппарата. Бегство от свободы делает человека субъектом толпы, а, как известно, «ochlokratos» («власть толпы») диктует человеку свои условия помимо его воли и желания [1]. Психология масс («Ψ-ochlos») и психология элит («Ψ-elite») являются двумя разными полюсами в общественной психологии. Без анализа их сущности все наши представления об общественной психологии будут носить весьма приблизительный характер.

Если в психологии элит на первом месте стоят такие ценности, как свобода и ответственность (долг), то в психологии масс мы, напротив, наблюдаем их полное или частичное отсутствие. Чувство долга и чести всегда было достоянием аристократического начала. Оно и порождало приверженность субъекта элиты к ответственному поведению. Массовый же человек (особенно в эпоху так называемого «восстания масс») демонстрирует «чудеса» своего безответственного поведения (Н. А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет). Для демократии такой сценарий развития событий крайне нежелателен, но он вполне устраивает диктаторские политические режимы. Вот почему тоталитарные политические элиты устраивают «бегство» своих масс от свободы. Свобода, как и сама демократия, становится удобной для них фикцией, областью их постоянных политических манипуляций. В связи с этим у многих тоталитарных и авторитарных политиков происходит раздвоение личности на официальную (парадную) и теневую (деструктивную).

Э. Фромм фактически провел водораздел между массовой и элитной психологией по линии разлома дихотомии «свобода – рабство», где «рабство» у него – это «бегство от свободы», а в качестве носителей свободы выступает «элита», т. е. те самые «смельчаки», которые не убоялись свободы, точнее, возникающей за ней ответственности, и приняли «вызов своего времени» как «вызов своей судьбы».

В связи с этим у нас есть все основания утверждать, что в психологии современных элит содержится еще одно фундаментальное «бегство» (как отказ) – это бегство от ответственности. Анализ их духовной сущности (этика, интеллект, мотивы поведения и т. д.) указывают на то, что элиты эпохи развитого индустриального мира (конец XX – начало XXI в.) не только не отвечают за вверенное их заботам общество, но отказываются также быть ответственными за свои собственные действия, они отказываются быть ответственными даже сами перед собой. Такое состояние мы могли бы с полным основанием назвать *«бегство от ответственности»*.

Отказывающийся от свободы человек осознанно подавляет в себе некоторое свои свойства, определяющие его как независимую личность. Такие понятия, как честь, долг, принципиальность, личные интересы и т. п., уступают место их имитации. Такой человек ограничивает себя в выборе. Перспективы его жизни сужаются до минимума. Он перестает быть хозяином своего «Я». Массовый человек бежит от свободы, для того чтобы исключить ответственность. Примерно по такому же сценарию начинают действовать и некоторые субъекты элиты, в характеристиках которых мы обнаруживаем присутствие скрытого «массового человека». В эпоху «восстания масс» массовый человек (как особый психологический тип) проник и в саму элиту.

Так куда же «бегут» сами элиты? Политические элиты традиционно «бегут» (стремятся) к власти, экономические – к богатству, культурные – к интеллектуальному обогащению и воплощению своих самых амбициозных планов, но все они так или иначе, но сообщая бегут от главного своего преследователя – от ответственности за судьбу всего человечества. В век «восстания масс» (XX в.) элиты все как одна сложили с себя полномочия быть ответственными за судьбы человечества. Быть может, сущность «восстания элит» (XXI в.) будет заключаться как раз в том, чтобы вернуться к осознанию этого долга и вновь стать ответственными за всё и всех?

Психологические теории элит XX в. концентрировали свое внимание главным образом на проблеме власти политического лидера [2–4]. Чаще всего они рассматривали его абстрактно и дистанцированно. В настоящее время обстоятельства требуют от психологических теорий элит, чтобы они разработали методики конкретных исследований конкретных обывателей элитных групп и элитного статуса. Самим элитам давно уже необходимо создать «службу психологического сопровождения» (профилактики и коррекции) своей деятельности.

Сам феномен «бегства» не столь однолинейный, как это может показаться на первый взгляд. «Бегство» как минимум бывает двух видов: 1) «бегство» как отказ от чего-либо и 2) «бегство» как стремление к чему-

либо. При этом одно «бегство» вовсе не исключает другого: «плюсы» и «минусы» могут распределяться по обе стороны этого деления, т. е. носить как массовый, так и элитный характер. При этом следует отметить, что понятие «массовое» здесь означает обыденное – то, что обычно встречается в нашей повседневности, в то время как «элитное» указывает на единичные и уникальные случаи. В последнем случае речь, скорее всего, может идти не столько о случайном, сколько об идеальном. В идеале элитность должна быть бегством от лжи, зла и насилия. На практике же элиты (особенно политические) начинают копировать свои массы и отказываются быть ответственными за принятые решения.

Элитность, как главное из базовых свойств «души», возникает тогда, когда субъект совершает свой позитивный выбор (в данном случае из двух вариантов выбирает первый) – между «творчеством» и «рутиностью», между «свободой и ответственностью» и «несвободой и безответственностью», между «качеством» и «количеством», между «личностью» и «видимостью личности» («личины»).

Возникающие в результате отказа от свободы психологические и социальные барьеры углубляют психологическую дистанцию между обыденностью и элитностью, ставят препятствия на пути реализации личности себя как творческого начала [2–4]. Возникает явление, которое мы могли бы назвать «психологией несвободы» (по аналогии с «психологией власти»). Если «психология власти» характеризует сущность лидера, то «психология несвободы» раскрывает перед нами духовный мир аутсайдера. Некую аналогию в этом дихотомическом противопоставлении психологии лидера и аутсайдера мы можем усмотреть в моральной дихотомии «благородства» и «низости», описание которой впервые дал еще сам Конфуций: «цзюньцзы» («благородный муж») и «сяо жэнь» («низкий человек»). При этом обращает на себя внимание тот факт, что при описании этой дихотомии философ затрагивает сугубо психологические аспекты, например: «Благородный муж живет в согласии со всеми. Низкий человек ищет себе подобных. Благородный муж беспристрастен и не терпит групповщины. Низкий человек любит сталкивать людей и сколачивать клики. Благородный муж стойко переносит беды. Низкий человек в беде распускается... Благородный муж в душе безмятежен. Низкий человек всегда озабочен. То, что ищет благородный муж, находится в нем самом. То, что ищет низкий человек, находится в других» [5, с. 174–175]. При этом следует особо подчеркнуть, что деление на «благородство» и «низость» у Конфуция происходит без какого-либо учета социального статуса индивида. Этой же позиции в дальнейшем будут придерживаться все представители антропологического элитизма (Платон, Сенека, Ф. Ницше, Н. А. Бердяев), что указывает на объективность антропологического фактора элитности и субъективность элитности социального типа.

Свобода духа, по мнению Н. А. Бердяева, есть черта аристократической личности. Под «аристократической личностью» он понимал такую персону, которая не боится брать на себя ответственность, заключающуюся в том, чтобы быть в ответе за все человечество. «Главными признаками при-

надлежности к массе нужно считать невыраженность личности, отсутствие личной оригинальности, склонность к смешению с количественной силой данного момента, необыкновенную способность к заражению, подражательность, повторяемость. Человек с такими свойствами есть человек массы, к какому бы классу он ни принадлежал» [6, с. 73]. Поэтому аристократической должна быть личность человека, а не его социальный статус [6, с. 74–75].

В нашем понимании проблема свободы и ответственности не может быть отделена от проблемы творчества и личности. Каждая личность должна непременно обладать такими качествами, как свобода, творчество, ответственность. Те, кто стремится как-то ограничить эти требования в себе или сделать их формальными, применив специальные технологии (например, PR-косметику) считаются 100-процентными личностями не могут.

Свобода является неотъемлемой составляющей человеческой личности. Тот, кто отказывается от свободы духа, отказывается и от самой своей личности. Он превращается в «раба». Психология раба есть по сути своей психология ущербной личности. Несвободный человек не способен на искренние и настоящие чувства. Все они у него будут имитацией. И напротив, элитные качества человека могут развиваться исключительно на основе свободы его духа. Причем речь идет именно о подлинных элитных качествах, а не об их имитации. Имитация элитного (PR-косметика) приводит к появлению не личности, а «личины» (маски). Поэтому бегство от свободы есть бегство человека от возможности быть личностью.

Сам Э. Фромм в 1959 г. дал следующее определение творчества: «Это способность удивлять и познавать, умение находить решения в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта» [7]. Таким образом, он особо выделял значимость именно интеллектуальных и мотивационных качеств личности.

Именно творчество спасает личность от деструктивности. Пребывание в толпе не позволяет человеку в полной мере проявить свои творческие способности. Напротив, как писал в свое время М. В. Бехтерев, толпа всячески подавляет в человеке его творческое начало [8]. Психология толпы есть психология деструктивного начала. В толпе мы можем наблюдать имитацию творчества. Согласно теории подражания (Г. Тард), толпа может лишь создавать видимость, что она является больше того, чем является на самом деле.

Деструктивность (разрушение) и конструктивность (творчество) представляют собой два выхода человеческой энергии – агрессии и (или) созидания. При этом элитность может быть как агрессивно разрушающим началом, так и активно созидующим актом творения. Все зависит от соотношения моральных ценностей добра и зла, которые во многом и определяют направление развития элитного качества. Отказ от свободы в конечном итоге оборачивается отказом от реализации себя как творческой личности, который в свою очередь становится отказом от элитности духа.

Вне творчества всякая личность так или иначе скатывается на позицию деструктивного. Процесс элитизации личности через реализации ее творческих способностей представляет собой один из самых главных гарантов того, что личность не будет ввергнута в процесс деградации через активизацию в ней деструктивных начал [9].

Некоторые бегут от свободы от безысходности, но большая часть – от того, что за нее надо нести ответственность. Именно ответственность и является тем самым проклятием, которое заставляет человека отказываться вполне «добровольно» от предоставленной ему самим Провидением свободы. Отказ сей делается легко и осознанно и не несет за собой угрозы совести. Отказываясь от свободы, человек массы стремится получить в качестве ее компенсации долгожданное спокойствие и комфортность своего обыденного бытия. Свобода же подталкивает человека к борьбе за нее. Но тут выясняется, что не всякий способен перейти этот Рубикон, что не всякий способен быть борцом за свою свободу. Неуверенность в своих собственных силах приводит к тому, что человек переоценивает угрозу стоящих перед ним проблем и принимает решение отказаться от того, что, по его мнению, вызывает наибольшую угрозу для его жизни. Тот, кто принимает вызов своей жизни и осознанно начинает бороться за свободу, как правило, имеет более достоверные сведения о своих возможностях и о качестве тех проблем, которые ему приходится решать в ходе отстаивания своего естественного права быть свободным.

С точки зрения элитологии творчества отказ от свободы есть фактически отказ от творчества и склонность человека к деструктивному поведению. Отказ от творчества есть уже отказ индивида от себя как личности, а потеря личности представляет собой окончательную потерю человеком своего человеческого облика и сущности. Отказ от борьбы за свободу своего духа приводит к тому, что человек принимает ценности и истины, которые ему навязывают те, кто этой свободой обладает. Поэтому право на свободу есть право иметь свою истину, иметь свое собственное независимое ни от кого мнение. Бегство от истины есть фактическая ложь. Мы видим, как в этой одной «точке» переплетаются моральные, гносеологические и психологические характеристики человека. При этом все больше проясняется одна простая (банальная) истина: бегство от свободы означает бегство от ответственности быть самодостаточной личностью, а стремление к свободе всегда есть желание и возможность быть ответственной личностью.

Свобода открывает перед человеком гораздо больший выбор стать такой личностью, которая ему больше всего подходит по его типу. Те, кто становятся лидерами, чаще всего становятся обладателями наибольшей полноты и самой свободы. В этом плане деление людей на такие типы, как лидер, элита и масса, будет означать их подразделение на группы с разными ресурсами свободы. Последнее, без всякого сомнения, будет серьезно отражаться на психологии субъектов этих групп, мотивировать их поведение и определять систему их жизнеутверждающих ценностей.

Свобода проявляется и в самом отказе индивида от свободы. Правда после этого отказа она в нем и завершается. Несвобода означает детерминированность со стороны свободного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990. – 269 с.
2. Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти. Хрестоматия: В 2 т. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ», 1999.

3. *Пряжников Н. С.* Психология элитарности. – М.: Моск. псих.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.
4. *Ольшанский Д. В.* Психология масс. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.
5. *Малявин В.* Конфуций. – М.: Мол. гвардия, 1992. – С. 174–175.
6. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – С. 73.
7. *Fromm E.* The creative attitude. In H. Anderson (Ed.), Creativity and cultivation. – New York: Harper & Row, 1959.
8. *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. – М.: Колос, 1921. – 432 с.
9. *Карабущенко Н. Б.* Феноменология духа и процесс элитизации творческой личности // Новая феноменология духа. – Т. 1. – М.: Прометей; МГПУ, 2004. – С. 123–134.

Получено 15.05.2006

ESCAPE FROM FREEDOM "AS ESCAPE FROM RESPONSIBILITY"

N. B. Karabushchenko

The article considers problems of psychology of a person in conditions of transformation of industrial society into an informational one. The author analyzes problems of mass and elite psychology, especially their reaction on such fundamental social and cultural principles as the principles of "freedom" and "responsibility".